

Полина Николаева

Без имени

Полина Николаева

Без имени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8920953

ISBN 978-5-4474-0467-3

Аннотация

Имя есть. Хорошее имя. Ну как хорошее... Обычное мужское имя. Только вот жизнь перевернуло. Навсегда. Обычная история. Первая любовь. Только вот последствия... Уж 10 лет прошло, а все болит...

Без имени

Полина Николаева

Всем Светлейшим посвящается

Будьте, светите, и да сгорайте, освещая...

© Полина Николаева, 2015

© Светлана Митрофанова, фотографии, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Звонил Сашка. Сказал, что и этим летом ты не приедешь. Стальными пальцами душу Надежду. А она не сдаётся. Живучая, почему-то. Сволочь. Люблю тебя. Жду тебя. Лучше бы тебя вообще не было в моей жизни. Люблю тебя. Жду тебя. Ты научил не сдаваться. Спасибо. Люблю тебя. Жду тебя. Не забывай, как меня зовут...

Когда вещи были уложены, время и место встречи оговорены, а провести в родной постели оставалось всего одну ночь, идти в поход почему-то резко расхотелось.

«Бессмысленно пытаться вернуть прошлое. Да и что я там буду делать без Коли, среди почти незнакомых людей, ведь

старой лицейской компании давно нет? Ладно, посмотрим, может, все будет не так уж плохо?»

А было не просто неплохо. Все, что было, перевернуло мою жизнь, мои взгляды, изменило меня саму и дало начало новому сюжету, полету мысли, бессонным ночам, килограммам чернил и километрам бумаги.

Поехали...

«Ты со мною забудь обо всем, Эта ночь нам покажется сном. Я возьму тебя и прижму, как родную дочь...»

«Привет. Узнал? Я. Не обращай внимания, если будут ошибки – не спала трое суток, и рука отсыхает, и клавиатура не фонтан. Поздравь меня – я почти сдала сессию, осталось два халявных экзамена. Надеюсь на стипендию. Спасибо тебе. Учеба – последнее и самое верное средство не думать ни о чем, в том числе и о тебе. Теперь я – молодец.

Знаешь, оказывается все, что писалось раньше – просто бред сивой кобылы, кроме одного: я люблю тебя. Просто слишком многое изменилось за последние полгода. Я сама изменилась. Я прочитала Толстого «В чем моя вера?», изучила экзистенциализм, познакомилась с Игорем, еще одним Иным. И многое дошло и стало простым и ясным. Так как

я до сих пор не смогла понять, почему ты замолчал, мне не оставалось ничего другого, как выстроить на этот счет свою теорию. Ты назовешь меня сумасшедшей – так и есть. Но иных выходов я не вижу.

Фишка в том, что я никогда не буду счастлива. И ты тоже. И Игорь. И Сашка. Мы не такие. Мы обречены, это наш крест, если угодно. Нам выпало быть такими и мучаться.

Всегда будет чего-то не хватать. Мы хороним мечты одну за одной, мы гоняемся за счастьем, свободой, мы не ищем легких путей, мы падаем, разбиваемся, ломаем кости, но снова поднимаемся и снова бросаемся искать. В какой-то момент кажется, что вот оно, то, чего так долго ждали, о чем мечтали и чего добивались. На какое-то время мы оказываемся действительно счастливы, а потом все рушится. Мы впадаем в депрессняки и запои, упиваемся холодом дождей и смрадом ночных трамваев рядом с безразличными пассажирами далеко в тяжелых аккордах рока в наушниках, крушим все вокруг и с остервенением вгрызаемся в собственную плоть.

Потом сжимаем зубы и кулаки, хватаем новую мечту, снова боремся. Потом все заново. Этот узел нельзя разрубить ничем. С этим нельзя смириться и нельзя это убить. Мы рождены с этой болью. И останемся с ней до первой петли или высоты – не имеет значения. Об этом надо знать. Ты узнал это раньше меня. Никому не объяснить. Никто не поймет. Игорь знает. Игорь чувствует. Поэтому мы почти не разгова-

риваем. Просто ночами пьем на полу общаговского коридора и поем песни о войне, смерти и любви. Так все и останется.

Я не хочу. Я ничего не хочу. Так все грустно. Прости за сумасшедшие письма. Я все равно люблю тебя. Пусть ты и молчишь. Кстати, книгу я закончила. Правда, не знаю, когда и как ты сможешь ее прочитать. Знаю, всегда хочется быть чуть-чуть счастливее. Это возможно, поэтому именно об этом надо думать. Пусть ненадолго, всего на день, на час, на секунду, в Туле, в Ясной Поляне, в Ноябрьске, ненадолго, чтобы потом опять потерять и опять мучиться. Так суждено. Бред...»

Ты помнишь день, когда мы познакомились? Это был первый день нашего похода. Палатки уже были поставлены, костер разведен, но горел вяло.

Голодный народ жалобными глазами смотрел в котелок, ожидая чудо появления оттуда готового ужина. Миха и Саня ушли в деревню еще в обед, я осталась в лагере одна с тремя «шлангами», когда в лесу начали трещать ветки и раздаваться хрюканье. Честно сказать, мне было страшно. Я знала, что это не кабаны. Во-первых, они не могли подойти так близко и спокойно хрюкать в кустах, во-вторых, они не могли хрюкать ТАК, в-третьих, их в этом лесу пока еще никто не встречал.

Но мне было страшно. Я знала, что трое ребят, первый раз

ушедшие в поход и попавшие в подобную ситуацию, не смогут защитить себя. Но свой страх нельзя было показывать. По опыту прошлого года я знала, что стоит свой страх показать одному, и пойдет цепная реакция. Вот почему своей задачей я тогда считала смехом и шутками отвлекать их от навязчивых мыслей.

Тем не менее, в кустах в 20 метрах от нас сидели непонятные люди с непонятными целями, и мне было очень не по себе. А дело запутывалось. Эти трое решили в разведывательных целях все-таки преодолеть эти 20 метров. Было очень интересно наблюдать как они, вооружившись топором, лопатой и палкой цепочкой крадутся по лесу. Еще интересней стало, когда они так же тихо и молча-озадаченно вернулись обратно и сообщили:

– Там в кустах сидят три мужика, мы подошли к ним, спросили жестом, в чем дело, а один из них обернулся и сказал: «Тс-с-с!»

– Я ничего не понимаю. Вы их узнали? Это точно не Сашка, Миха и тот третий неизвестный друг?

– Не знаю, я не разглядел.

Оригинально...

А трое «мужиков» так и продолжали ждать чего-то в своей засаде. Постепенно в ' головах собравшихся укрепилась светлая мысль, что это все-таки Сашка и компания -любители подобных шуток.

Ну а то, что происходило дальше, напомнило мне ста-

рый дешевый американский ужастик. Четверо людей сидят на бревне, спиной к пруду, смотрят в лес, в полной уверенности ожидая появления оттуда знакомых лиц, и вдруг слышат голос этих самых лиц, только за спиной, на другом берегу, на тропинке.

– Так, если Сашка, Миха и третий там, то кто в лесу?

Вот тут стало не до смеха. И как же я радовалась, какое облегчение испытала, когда в лагерь пришли старые, надежные, проверенные и смелые друзья. Однако, помнишь, я тебе как-то говорила, что первое впечатление о тебе было не самым лучшим: «что за большой, волосатый и угрюмый мужик с большим ножом на поясе?»»

Но то, что ты сделал, когда я подошла к вам и рассказала про гостей, удивило и восхитило меня. Просто, без лишних слов, без паники, вытащив из-за пояса огромный охотничий нож, стараясь оставаться незамеченным, один пошел в лес. Движения спокойны и уверенны, мускулы напряжены, действия четко отлажены. Минуты не прошло, как из леса выскочили те самые «мужики», которыми оказались Сашкин брат с друзьями.

– Вот и ваши кабаны.

Это вместо приветствия, но эффектно. Тогда-то и возрос

мой к тебе интерес. То, что ты сделал, заслуживало уважения. Но ты был молчалив, говорил мало, а потому привлекал меня еще больше.

Окончательная же симпатия появилась, когда ты, бросив взгляд на остатки костра, так же молча ушел в лес, свалил несколько лип, принес их в лагерь, нарубил дров и сварил всем ужин, между делом починив лопату и вырезав ложку. Мне, как единственной девушке, следовало бы помочь тебе с едой, и я пыталась, но попытки эти были нелепы и смешны по сравнению с твоими четкими, как удары топора, действиями. Никаких лишних движений или слов. Мне даже страшно было лезть к тебе со своей помощью – вдруг помешала бы.

Как же мне хотелось поближе познакомиться с тобой, вывести на разговор, обратить на себя твое внимание, тоже заинтересовать. Но эти желания как-то ослабли под влиянием разума, некстати напомнившего про Колю, который сейчас по сценарию должен был ждать и скучать где-то в Арсеньеве. Да и ты был как-то глубоко, и, казалось, вообще отказывался меня замечать. «Ну и ладно. Значит, не судьба. Да и зачем мне узнавать его, если через три дня мы разойдемся по разным дорогам и больше никогда не увидимся?»

«Саня говорил, что он учится в Новосибирске, что можно будет вынести из этого знакомства?»»

Как же я ошибалась тогда!

В тот вечер вы с Сашкой ушли в деревню, по дороге нарвались на кабана-подранка, дали стометровку до дома, но об этом мы узнали только на следующий вечер. А пока мы остались в лагере впятером: я, Кирилл, Коля, Серега, все болоховские, и Миха. И стало как-то скучно и грустно, мне не хватало чего-то. Или кого-то. Мне не хватало тебя, но об этом думать не хотелось, ведь на тот момент я почти

год встречалась с Колей, была уверена, что люблю его, и он тоже.

Но со своей душой я ничего поделать не могла. Она ныла и просила вернуть тебя обратно. Она кричала о том, что симпатия уже слишком велика, чтобы просто не замечать тебя. В конце концов, неожиданно для себя самой, я начала ждать нашей следующей встречи.

Господи, как же меня все достало! У меня не хватает сил. Если раньше я разбазаривала свою энергию направо и налево, то теперь мне неоткуда ее брать. Я не могу учиться, не могу отдыхать, не могу развлекаться, не могу ничего.

Только ползти по жизни, натываясь на глухие стены, которые не могу пробить. Эти проблемы, вот именно проблемы, а не задачи, эти стены, эти столы, эти лица, все раздражает, все бесит, хочется сделать один рывок вперед и покончить со всем этим. Но что сделать? Я наскокиваю на эти стены, но у меня нет сил пробить их, и все это выглядит весьма глупо. Что сделать? Куда пойти? С кем поговорить? Где взять эти силы?

Этот бесконечный поиск в течение многих лет только добивает. Коля, который тянет меня вниз, но привычка, нежелание и боязнь быть одной, неизвестность, мешают его бросить. И вся «любовь» превращается в трудную и занудную

ношу, кто кого перетянет. На это тоже уходит много сил, и времени, драгоценного времени, которое можно было бы потратить на что-то более полезное.

И ты, который сначала открыл мне глаза, разбудил, сказал: «Доброе утро!», показал совсем другую жизнь, взял за руку и повел к большой, замечательной, светлой, солнечной Жизни. А затем уехал, пропал, замолчал, возможно, забыл, так же отказавшись тащить за собой этот груз. И что? Я барахтала руками и ногами, цепляясь за воздух, и продолжала лететь вниз, в глубокий, грязный и вонючий колодец. Теперь я там, глубоко внизу и задыхаюсь. И каждое мое утро начинается в этой луже. И каждый день я пытаюсь выбраться оттуда, но снова падаю. И все, на что меня хватает, это сидеть по шею в отходах, фекалиях и грязи, смотреть вверх, дышать этой вонью, мечтать и снова нырять с головой в канаву моей жизни.

Весь следующий день я ждала тебя, тщательно скрывая это ожидание от самой себя. Было пасмурно, но это не помешало нам купаться, отдыхать и радоваться жизни. Мне было хорошо, я наконец-то дождалась этот поход, я была на природе, в лесу, на берегу огромного пруда, который, если бы не плотина, по праву назывался бы озером.

Из всей компании другом я считала только Миху, который

очень сильно выручал с обедом, дровами, общим настроем. Сварили завтрак, поели, ребята засели ловить рыбу, поймали, выпустили, чему я была очень рада. В тот день к нам на моторке приплыл Дима, пацаненок, как ты помнишь, очень бойкий, несмотря на свои 15 лет, охранник пруда. Познакомились, спросил, все ли нормально, и уплыл обратно. А вас с Сашкой все не было.

Снова приплыл Дима, забрал Миху и Серегу за грибами. В лагере стало совсем скучно. Да и Коля с Кириллом, эти

теплые «шланги», не смогли даже наколоть дров, хотя попытки были. Я потихоньку начинала нервничать, потому что давно пора было обедать, а вода в котелке все не закипала. Ребята помогли мне с картошкой и морковью, но с костром они справиться не смогли. Я натерла мозоль, пытаюсь поддержать огонь с помощью миски, изнасиловала легкие, испачкала джинсы в золе. В конце концов, нервы дали небольшой сбой, и я плеснула в котелок керосин. Глубоко вздохнула, чтобы не взорваться от досады и злости, и начала заново.

К моей гордости «уха» из консервов получилась очень даже ничего. Вернулись Миха с Серегой и с пакетом сыроежек, быстренько все это дело помыли, почистили остатки картошки, одолжили у Димы масла и принялись жарить рагу. По идейным соображениям Кирилл с Колей отказались есть грибы и ушли на родник за водой.

Миха с Саней ушли в деревню за картошкой. Как же мне хотелось, чтобы они взяли с собой и Серегу. При таком раскладе в лагере остались бы только мы с тобой. Но третий – запасной – остался, достал пиво, гитару и играл нам любимые песни.

Тогда мне все же удалось пообщаться с тобой, узнать, что ты действительно учишься в Новосибирске, а родители остались в Тюмени, что в Ясной Поляне у тебя бабушка с дедом, и что каждое лето ты приезжаешь к ним на полевые работы. Ты оказался не таким уж угрюмым, даже веселым, высоко

развитым в интеллектуальном плане, настолько высоко, что я была очень удивлена, узнав, что мы с тобой ровесники.

Ты просил сыграть «С войны» и «Все идет по плану», сказав, что это две твои любимые песни, что вызвало еще один подъем моей к тебе симпатии. Все в тебе привлекало меня, и то, как ты говоришь, и то, что ты говоришь, и то, как двигаешься, как раздуваешь костер, как куришь. В тебе чувствовалась уверенность и сила, ум и юмор, богатый опыт и самостоятельность.

Ты рассказывал, как шестилетним мальчиком отец взял тебя зимой на охоту, и как ты шел по лесу по колени в снегу, задыхался, обливался потом, но не отставал от взрослых. Рассказывал о походах на Алтай, об охоте на кабанов, о скалах.

В тот вечер мое восхищение перевалило за край. И в то же время напала тоска. Я вспомнила свою жизнь и поняла, что просто существовала, не видя всей красоты и возможностей, что преподносит нам жизнь. Поняла, что живу скучно и однообразно, сидя в общаге за уроками или пустыми разговорами, или бесцельно шатаясь с Колей по городу, со своим любимым мальчиком, который в сиянии твоего образа померк и даже начал чернеть в моих глазах.

Наступала ночь. Рагу было приготовлено и съедено. Вернулись с родника ребята, брезгливо поморщились на грибы

и принялись варить рис. В темноте, с полупотухшим костром эти двое стали объектом множества шуток и приколов.

Ты не кинулся им помогать. Зачем? Они сами сделали свой выбор, сами пусть и выкручиваются – удачи. Это был мой минус всю жизнь – лезть со своей помощью даже туда, где эта помощь не требуется. Зачем? Ради благодарности? Мало кому знакомо это чувство. Другое дело друзья, но они не были тебе друзьями, так зачем навязываться? (Рис они жевали полусырым).

Вернулись Сашка и Миха, за которых уже начали переживать. С ними пришел и Андрей – Сашкин брат. В ту ночь мы просидели очень долго, прикалывались, шутили, орали частушки непечатного содержания, испугались шороха в лесу. Испугались не на шутку. И только ты взял фонарь и нож и ушел в лес, благополучно вернувшись оттуда с ежиком, который нашел где-то банку из-под майонеза и застрял в ней иголками.

В ту ночь Сашка рассказал мне о смерти своего деда и об аварии, в которой погиб Максим, о тех ночах, когда и ты, и он несли гроб и просыпались в поту. Внутри у меня все сжималось и ныло от боли, которую вам пришлось вытерпеть и от стойкости, с которой вы терпели эту боль. Никому абсолютно вашей потери не было видно. Зачем? Да и писать об этом не стоит. Слова ни к чему. Прости.

Сашка с братом уходили домой, через несколько минут примчались обратно, ошарашенные, перепуганные, задыхающиеся. Переполошили всех. Мое сердце от страха готово было выскочить, ребята своего страха даже не скрывали, и только ты, казалось, даже не удивлен новостью:

– Там кабаны!

Долго прислушивались, вздрагивали от каждого шороха, а ты сидел на бревне, курил и объяснял, что надо делать, если выйдут кабаны. Перспектива не очень радовала. Еще меньше радости осталось, когда ты с Михой собрались провожать ребят. Что-что, а своей досады я скрывать не собиралась:

– Так, Сашка уходит, Миха уходит, ты уходишь, а в лагере кто останется?

Надо думать, ты понимал, что тот, кто останется, тылы не спасет. Мне так хотелось прижаться к тебе, взять за руку, утонуть в твоих объятиях, чтобы уже ничего не было

страшно. Но не просить же остаться со мной, когда Сашке и Андрею светило ночью возвращаться в деревню!

Тогда я просила оставить мне нож, твой большой нож. Нет, я не умела с ним обращаться, Только мне от него не было вообще, но ты оставил мне часть своей уверенности, силы, спокойствия. Как верующие прикасаются к кресту, желая стать ближе к богу, так и я сжимала в руке холодную сталь, желая быть хоть немного ближе к тебе.

Мне было страшно, но о своем страхе я старалась не ду-

мать. Хотя сохранять хладнокровие в подобной ситуации сложно. Когда вы с Михой вернулись, я позволила себе быть слабой, ведь ты был рядом и мог защитить в любой момент.

Оказалось, что братьев напугала цапля, что кабаны далеко и вряд ли выйдут. Но легче не стало. Поэтому ночью я высказала желание спать между тобой и Михой. Во-первых, спокойнее, во-вторых, ближе к тебе, а значит, и к твоему телу, которое на тот момент привлекало меня не меньше твоей души. Помнишь, как долго мы прикалывались на эту тему:

– Ребят, у меня расстегиваются ширинка и спальник, поэтому, если проснетесь ночью и увидите эдакое безобразие, – не пользуйтесь, застегните хотя бы что-то одно!

– Ты болтай поменьше, быстрее заснешь...

– И жалобный голос бухого Коли из соседней палатки:

– Я к вам!

– А я проснусь и уползу от вас!

– К кабанам!..

– И к нам!

Как же мне хотелось обнять тебя, прижаться к твоему телу, почувствовать его тепло. Ты был совсем рядом, твой запах сводил меня с ума, голова кружилась от желания, но мне было страшно. А ты, зная, что у меня есть мальчик, не стал испытывать судьбу и уснул. Я долго слушала ваш храп, пытаясь прийти в себя. Вылезла из палатки, укуталась в спальник и курила, думая обо всем происходящем и наслаждаясь рассветом.

Я хочу есть. В десятый раз открываю холодильник, но (странно) вижу только пустые полки. Ни крошки нигде. В коридоре общаги пусто. Все, кто мог покормить, давно спят. Помощи ждать неоткуда. Ну и ладно. Не в первый и не в последний раз.

Сегодня произошло то, о чем не написать я не могу. Сегодня произошло то, что случается каждый день. Но не каж-

дый день со мной.

Сегодня мы ходили на концерт «К.», третий год подряд. Естественно, не обошлось без ментов. Забрали Максима. После концерта отправились за ним в центральное РО-ВД. Но к тому времени его выпустили, созвонились и договорились встретиться на Каминского. Центр города. Проспект. По проспекту идут пятеро: трое ребят и две девушки. Один в балахоне «К.». Дальше – по стандарту. Встречают толпу пьяных ребят, у которых руки чешутся, только дай повод. А балахон «К.» – повод как нельзя лучший.

– Что, «К.» слушаешь? А ну-ка, подойди!

Все, что происходило дальше, происходило в несколько секунд. Я обернулась и

– увидела, что Коля (в балахоне был именно он) падает на мокрый асфальт и на него накидывается вся гоп-компания. Но он отскакивает в сторону, уворачивается от ударов.

Кто-то кричал, среди этого крика был и мой голос:

– Так, тихо, не трогайте его!

– Иди сюда, сказал!

– Не лезь, отойди!

Откуда-то сзади появился Rammstein:

– Ребят, успокойтесь, все нормально!

– Ты куда лезешь? Тоже хочешь?!

Один из толпы отделился и полез на него. Остальные продолжали наступать на Колю. Я бросилась к нему, пыталась встать между ним и остальными, но им же и была отброшена

в сторону, слыша, как в тумане, приказ:

– Беги! Чего стоишь!

«Щ-а-с! Уже бегу! А тебя оставить им на растерзание? Не дождешься!» Когда снова обернулась, увидела спину Rammstein'a, схватила его, встав лицом к нему и спиной к нападавшим, и с силой толкнула вперед:

– Хватит, уходим!

Он сделал несколько шагов назад, но тут кто-то снова закричал, и он опять рванул в толпу. Я видела, как кто-то сбоку и сзади налетел на него и повалил на асфальт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.